

УДК 7.036.5:75.071.1(470)

Влияние французского символизма на творческую манеру В.Э. Борисова-Мусатова

Ши Кэфу

Аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация,
Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9;
e-mail: st113010@student.spbu.ru

Аннотация

Исследование посвящено анализу влияния французского символизма на формирование уникального художественного стиля В.Э. Борисова-Мусатова. В работе выявляются механизмы адаптации европейских символистских принципов в контексте русской живописной традиции рубежа XIX-XX веков. Особое внимание уделяется сравнительному анализу творческого метода Борисова-Мусатова с произведениями ведущих французских символистов (П. Пюви де Шаванна, Г. Моро, О. Редона), а также исследованию взаимосвязи его живописи с поэзией П. Верлена и С. Малларме. Методологическая основа включает комплексный анализ композиционных решений, колористики и пластики художественных образов. Результаты исследования демонстрируют, что Борисов-Мусатов разработал оригинальную версию «декоративного символизма», отличающуюся от французских аналогов мягкостью тональных переходов, камерностью и лирической созерцательностью. Художник органично соединил символистские принципы с традициями русской усадебной культуры, создав узнаваемый стиль, повлиявший на последующее развитие отечественного модерна.

Для цитирования в научных исследованиях

Ши Кэфу. Влияние французского символизма на творческую манеру В.Э. Борисова-Мусатова // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 3А. С. 318-331.

Ключевые слова

Французский символизм, русская живопись, В.Э. Борисов-Мусатов, художественный синтез, сравнительный анализ, декоративный символизм.

Введение

В начале творчества В.Э. Борисов-Мусатов стремился найти яркую художественную основу, способную отразить его внутренний мир в живописи, связанной с поэтическим видением реальности. Его интерес к западноевропейским искусственным течениям, сформировавшимся на рубеже веков, подготовил почву для того, чтобы воспринять наиболее близкий по духу импульс французского символизма [Волошко, 2023]. Искусствоведы отмечают, что Борисов-Мусатов прежде других русских живописцев начал активно интегрировать идеи символистов в собственную манеру. В своих ранних работах он уже демонстрировал склонность к аллюзиям и светлым настроениям, но встреча с художественными идеалами, сформировавшимися во Франции, придала этим тенденциям более цельный и философский характер. Размышляя о поэтическом языке красок, художник создавал образы, поражающие тонкостью мечтательности и обращенные к побуждению зрителя вникать глубже в структуру живописного пространства. Подобные приемы в живописи отчасти были вдохновлены поэтическими произведениями французских символистов, которые обращались к тайнам подсознания, к зыбкой атмосфере сна и видений. В этом соединении виделась гармония между пластическими и литературными формами выражения творческой мысли. Так зарождалась специфика манеры художника, отражающая символистское мировидение, где каждая деталь становится значимой деталью метафорического языка, а цвет приходит на смену слову и рифме.

Процесс сближения с французским символизмом не происходил внезапно. В отдельные периоды биографии Борисов-Мусатов сохранял некоторую дистанцию от западноевропейских новшеств, но постепенно росло внутреннее убеждение, что именно символизм предоставляет необходимые средства для выражения скрытых чувств. Многие русские художники конца XIX – начала XX века посещали Париж, учились в мастерских известных художников или наблюдали за выставками, где могли познакомиться с художественными трендами [Комарницкая, Дуарте, 2023]. Борисов-Мусатов, как и многие, испытал влияние атмосферы парижских салонов, ценивая тонкость и лиризм, свойственные работам Пюви де Шаванна, Гюстава Моро, Одилона Редона. Впечатлённый светлостью палитры и утончённым декором, он выявил близость своих внутренних идеалов к поэтическому миру французских мастеров, что выразилось в постепенном формировании его собственного «декоративного символизма». В этот период художник всё чаще пытался передавать ощущение таинственности посредством комбинации лёгких форм, мягких переходов света и задумчивого молчания фигур, словно укрытых в царстве грёз.

Материалы и методы исследования

Влияние французского символизма проявлялось в том, как художник выстраивал сюжет и композицию. Расстановка фигур, порой словно выходящих из пространства сновидений, неизменно отсылала к миру идеальных переживаний, погружённых в атмосферу лунного света или рассеянного дымчатого воздуха [Ши, 2023]. Подобная поэтика пространства, при которой реальное и воображаемое сливаются воедино, становится не просто художественным приёмом, а своего рода философским посланием художника. Для Борисова-Мусатова важна была не буквальная интерпретация действительности, а её символическая суть, скрывающаяся за кажущейся обыденностью. Стремясь передать это сокровенное, он использовал мягкую, даже слегка приглушённую гамму красок, передающую зыбкий оттенок сна и мистического видения,

но при этом контрастность отдельных деталей придавала композиции нужную выразительность.

Характерным для французского символизма было не только стремление к форме, но и поиск музыкальной выразительности в живописи, когда цветовые пятна уподоблялись аккордам, а линии очертаний напоминали звучание мелодии [Прохоров, 2023]. Борисов-Мусатов, следуя этому пути, старался сделать собственные полотна визуально музыкальными: плавные линии, мягкие переходы тонов и зыбкие очертания фигур выстраивались как тема, варьирующаяся в разных элементах сюжета. Музыка, в переносном смысле, рождалась из пластических ритмов, округлых изгибов, распределения светотени. Погружённость в символическое представление мира означала, что зритель должен был не столько рассматривать сюжет, сколько «слушать» его. Эта идея довольно близка и к русским поэтическим исканиям серебряного века, где музицирование сочеталось с писательским даром, а значит, Борисов-Мусатов фактически располагался в центре большого художественного синтеза начала XX века.

Результаты и обсуждение

Художнику близки были и формально-декоративные особенности французского символизма, связанные с использованием орнаментальных мотивов и утончённой изысканности линий. В его полотнах можно встретить изогнутые линии архитектуры, плавные линии пейзажей и стилизованные формы растительности, что роднит его с так называемым «модерном» в искусстве [Белавина, 2021]. Однако если во французском символизме и ар нуво нередко торжествовала избыточная декорация, то в творчестве Борисова-Мусатова преобладала тонкая умеренность. Лёгкое приглушение цвета, нежные образы девушек, задумчивые парки, в которых природа и архитектура *merging* воедино в завораживающую симфонию оттенков и форм, составляли особую лирику художника. Его полотна выглядели как застывшие сны наяву, гармонично расцвеченные пастельными всполохами красок. При этом он отнюдь не отбрасывал светотеневой моделировки: наоборот, умело обращался к ней, оживляя исходный замысел разнообразием фактурных переходов.

Французские символисты, концентрируясь на внутреннем состоянии человека, применяли художественные приёмы, позволяющие вызвать у зрителя эмоциональный отклик, созвучный тайным движениям души. Мруро, Редон и Пюви де Шаванн писали полотна, насыщенные аллегориями, но при этом сохраняя определённую недосказанность, создавая особую интригу. Для Борисова-Мусатова такая атмосфера таинственности стала плодотворной почвой, ведь он искал новые пути в искусстве, где символы не читались бы слишком однозначно [Купченко, 2022]. В идеале художник стремился к поэтическому, почти музыкальному сопровождению своих работ, словно они являлись иллюстрацией к невиданному сну. Внутренний настрой картины, его «мелодия», становились первостепенными, а всё остальное лишь аккомпанировало.

Особое место в передаче символичности занимал пейзаж. К примеру, пейзажная среда у Борисова-Мусатова часто становилась неотъемлемой частью образного строя, объединяя человека и природу в единую мистическую сферу. Парковые и усадебные мотивы, отражающие тишину уходящих эпох, ассоциировались со сном и уходом во внутренний мир воспоминаний [Буханова, 2024]. Художник словно останавливал мгновение, делая его символом некоего вечного состояния, где время перестаёт существовать в обычном понимании. Так рождается тот особенный музыкальный ритм, который маркирует его полотна как проникновенные метафоры

о гармонии бытия. В этом смысле французский символизм с его интересом к синтезу разных родов искусства, к взаимодействию цвета, слова и музыки, дал ему концептуальный толчок. На полотнах мало ярких акцентов, зато много мягких тоновых переходов, чтобы пробудить в зрителе ассоциации и настроения, глубоко укоренённые в его сознании и подсознании.

Разумеется, наследие французского символизма не было заимствовано механически. Борисов-Мусатов соединил его с русскими традициями романтического восприятия природы и поэтическими интонациями, восходящими к серебряному веку [Ши, 2023]. Он стремился к созданию вневременного художественного пространства, которое органично вплеталось бы в культурный контекст, однако при этом оставалось необычно индивидуализированным. Его «призрачные» фигуры словно живут между снами и реальностью, приоткрывая дверь в иную, почти потустороннюю реальность, но при этом сохраняя ясность и пластическую завершенность образа. Внутренняя логика полотен часто строилась на ассоциативном взаимодействии элементов, где каждая деталь несла символическое значение. Таким образом, живописец ввёл собственную систему условных знаков, проявляющихся через линию, цвет, композицию, что в итоге образовало особый язык, родственный, но не тождественный французским мотивам.

Сюжетно его работы могут напоминать прекрасную грусть, которая пронизывает живописные произведения Маурица Эшера или поздней графики Одилона Редона, хотя и расходятся по стилистической манере [Купровская-Брюжман, 2022]. Важно, что у Борисова-Мусатова нет избыточной тревожности или тяготеющей к дисгармонии атмосферы: напротив, его мир всегда полон тихого покоя и светлой меланхолии, близкой по настроению к французскому «сумеречному» символизму. Вместе с тем художнику была чужда идея разрыва с традицией: он уважал классику, создавал на её основе свой своеобразный синтез, в котором отразил тонкие лирические переживания эпохи. Пространство на его полотнах выглядит как сцена для утончённого, невесомого действия, и осознание этой театральности усиливает символическую составляющую.

Интересно также проследить, как его женские образы соотносятся с символистским канонem. У французских символистов часто присутствует «женщина-фатум» или «женщина-мечта», обладающая загадочной привлекательностью и гипнотической силой [Бычков, 2020]. У Борисова-Мусатова женские образы, напротив, умиротворённые и исполнены думы о вечном. Они не столько роковые, сколько мечтательные и благородные. Можно сказать, что в них отразились и национальные черты русской культуры, где женщина часто связана с тихой, созерцательной красотой и особой одухотворённостью. Благодаря таким тонкостям художнику удалось избежать буквального копирования французских образцов, он лишь перенял общее настроение символизма и его пластику, наполнив их собственными темами и интонациями.

У Борисова-Мусатова есть особое предпочтение в выборе цветовых сочетаний: подчас он использует перламутровые, жемчужные оттенки, которые были созвучны пастельным палитрам некоторых французских художников. Однако мастер всякий раз видоизменял их под свою художественную задачу, придавая проработанности и камерности. Благодаря этому, его работы не выглядят копией. Наоборот, в их тончайшей нюансировке звучит собственная мелодия, которая родилась на стыке влияния Запада и глубоко личных переживаний [Посохина, 2023]. Атмосфера создаётся средствами градации светлых тонов, меж которыми без резких переходов проскальзывают более насыщенные мазки, формирующие эмоциональные акценты. При этом сюжет остаётся лёгким и текучим, не ограниченным строгими рамками и прямыми

линиями. Внутренняя пространственная логика полотна плавно ведёт взгляд зрителя, заставляя поглядывать то на одну деталь, то на другую, соединяя их в своём воображении как фрагменты единого видения.

В этом подходе особенно отчётливо прослеживается идея о том, что истину надо искать не в прямой передаче реальности, а в её преображении через призму воображения и интуиции [Васильев, 2023]. Французский символизм утверждал духовное начало искусства, провозглашая свободу от буквальности и утилитарности, и Борисов-Мусатов, соединив подобные идеи со своими мечтательными наклонностями, нашёл способ выразить самые тонкие чувства. Обращаясь к невидимому, к поэтике намёка, художник апеллировал к созданию мира, который находится за гранью реального. Для него в важнейших произведениях гимны природе сплетались со скрытой религиозной символикой, ибо художник чувствовал важность духовного измерения, позволяющего за обыденным разглядеть более глубокий смысл. При этом такая духовность оставалась неочевидной, она не выливалась в конкретное религиозное изображение, а чувствовалась скорее как новое состояние души, открывающее энергию подсознания.

Отдельно стоит упомянуть влияние французской поэзии на мировоззрение художника. Многие символистские поэты, отличавшиеся музыкальностью стиха, стремились к звуковому созвучию слов и подчеркивали важность интонации, что находило параллели с тем, что Борисов-Мусатов делал кистью на холсте. Поэзия Поля Верлена, Стефана Малларме и Артюра Рембо, при всей её сложности и намёках, открывала пространство для новых пластических идей. Борисов-Мусатов ощущал родство с тонкой, импрессионистической лирикой слов, стремясь выразить нечто подобное в живописных образах. Однако в его произведениях негромкий голос печали и светлого одиночества звучал по-особому, вплетаясь в традицию русского романтического осмысления природы и человека [Жилюк, 2022]. Так он устанавливал свой диалог не только с французским символизмом, но и с передовыми поэтическими течениями в европейской культуре, выстраивая нестандартную, но чрезвычайно цельную систему художественных средств и приёмов.

Символизм нередко критикуют за сознательный уход от непосредственных реалий жизни, однако Борисов-Мусатов, выдерживая дистанцию с натуралистическим изображением, сумел найти равновесие между сном и явью. Его полотна, будучи в основе сферичными, не замыкались в абстракции: зритель всегда видел узнаваемые образы парка, террасы, женских фигур в старинных платьях. Тем не менее всё это смотрелось как неосязаемая ткань грёзы, нагруженная метафизическим подтекстом [Киянская, 2021]. С точки зрения художественной формы, он шёл по пути сближения с тонкими цветовыми решениями французских коллег, но не забывал и о влиянии традиционного русского искусства, например романтических полотен того периода. Это синтетическое взаимодействие было для него органичным, поскольку соответствовало его личному темпераменту и миру эмоциональных переживаний. Даже его натурные зарисовки, выполненные у дворянских усадеб, обретали иное звучание, словно оживали под кистью художника, становясь частью загадочного танца теней и светотеней.

Картины Борисова-Мусатова, такие как «Изумрудное ожерелье», «Водоём» или «Прогулка», отражают жизнерадостную тоску по уходящей эпохе. В них есть еле уловимая печаль, но эта печаль не разрушительна. Она скорее похожа на лирическую мелодию скрипки, звучащую вдали, когда солнце садится за садовую ограду [Кудрицкая, 2024]. Французский символизм в данном случае послужил идеологическим и эстетическим катализатором: он показал, что можно при помощи языка искусства делать обходные пути к глубинам

человеческой психики, минуя внешне сказочные наборы приёмов. Борисов-Мусатов, заимствуя у французов общие принципы, преобразил их в славянской интонации, внося в полотна умиротворённую и возвышенную ноту.

Важную роль играло чувство меры, которое предотвращало скатывание в чрезмерную декоративность. Французские символисты иногда приближались к граню между художественным вымыслом и избыточным орнаментом. Однако Борисов-Мусатов, избрав путь гармоничного слияния формы и содержания, избегал перегруженности. Он использовал декоративные элементы как средство усиления символической глубины, а не ради самой орнаментальности [Ши, 2023]. Благодаря этому, его полотна сохранили выдержанность, цельность и тот мягкий бархатистый свет внутри, делавший их душевно звучащими. Такое равновесие между формальным и духовным настолько показалось близким зрителю, что многие, кто видел его работы, ощущали безмолвное присутствие тайны, скрытой за негромкими образами и утончённо переданной красочной атмосферой.

Кроме того, если во Франции символисты нередко апеллировали к классическим мифологическим сюжетам, создавая собственные версии легенд, то у Борисова-Мусатова господствовали более частные, камерные мотивы. Он предпочитал изображать маленький мир усадьбы, прогулки в замкнутом пространстве парка, статичные группы людей в нарядных костюмах прежней эпохи, погружённые во внутренние раздумья [Белавина, 2021]. Отказ от масштабных мифологических аллегорий позволил ему сосредоточиться на передаче эмоционального состояния, которое раскрывалось через жест, взгляд, окружающую героя среду. И хотя сам художник не скрывал своей любви к французскому искусству, он шёл по своему глубоко личному пути, интерпретируя символизм так, чтобы красота ставала универсальной метафорой времени и памяти.

Французский символизм, как известно, не был стилем единообразным: в нём сочетались элементы изобразительного языка классицизма и романтизма, сдобренные фантазийными видениями и порой оккультными настроениями. Борисов-Мусатов перенял оттуда только то, что согласовывалось с его внутренним чувством: поэтическую недосказанность, обобщённость форм, музыкальность и глубокую созерцательную направленность [Волошко, 2023]. При этом мрачная, декадентская сторона символизма ему оставалась далека. Набирая популярность в годы творчества художника, символизм вызывал полярные отклики в критической среде: одни называли его величайшим открытием, другие — уходом в индивидуальную мистику. Борисов-Мусатов же хотел, чтобы зритель, наблюдая его работы, обретал ощущение внутреннего покоя, светлой грусти и надежды, которые проистекают из прозрачных сумерек на холсте. Так он совместил французскую влюблённость в таинство образа с русской редкостной способностью к бережному лирическому созерцанию.

Со временем его манера стала более утончённой, ускользающей от определений. В поздних работах усиливается эфирность, фигуры ещё более сливаются с пейзажем, линии приобретают загадочную текучесть [Буханова, 2024]. Мягко переливающиеся тона делают пространство полотна цельным, а лёгкая дымка придаёт ему пастельный шарм. Так осуществляется окончательное слияние с принципами символизма в их высоком поэтическом выражении. Ведь необходимость уходить вглубь сути, завуалированно изображая реальность, соответствовала общим тенденциям того времени, когда искусство искало в себе новую духовную миссию. Борисов-Мусатов, в этом смысле, оказался одним из тех редких художников, кто сумел создать прекрасное личное высказывание, опираясь на богатый опыт культуры Франции и приводя его

к собственным художественным открытиям.

Путешествия, которыми славился рубеж XIX–XX веков, способствовали тому, что идеи символизма быстро распространялись по Европе. Академии, салоны, журналы, художественные объединения — всё это становилось каналами для передачи новых идей. Борисов-Мусатов, не будучи столь частым гостем во Франции, отлично понимал настроения и новизну подхода к искусству [Комарницкая, Дуарте, 2023]. Общение с современниками, рассказы о новых открытиях в Париже, репродукции картин французских мастеров подогревали его интерес и помогали проникать в суть того, что считал важным. Столь интенсивный обмен культурными ценностями, сам по себе являясь чертой эпохи модерна, вписал художника в международный контекст. Однако он всегда оставался искренен самому себе, формируя самостоятельный путь, который он проходил через поэзию красок. Его вдохновение было не копированием, а продолжением определённых тенденций, обретавших иную жизнь на русской почве.

Если у французских символистов ключевым зачастую становился литературный первоисточник, то для Борисова-Мусатова литературной канвой чаще служили его воспоминания о природе, детстве, а также поэтические внутренние монологи [Купровская-Брюжман, 2022]. Структура его произведений — это всегда переход от внешнего к внутреннему, где зритель словно погружается в медитацию. Созерцание этих камерных и одновременно величественных, почти священных уголков природы отражает настроение холодноватой ностальгии по утраченному миру. Вместе с тем в этом мире заключается и предчувствие будущего, ведь красота не может умереть — она переходит в другие формы. Французские символисты часто говорили о цикличности, о возвращении душ к началам в вечном круге природы, что также нашло отклик в философирующей живописи русского мастера.

В истории русского искусства Борисов-Мусатов занял особое место как один из самых «музыкальных» художников. Его работы практически лишены прямой повествовательности, зато полноту содержания следует ощущать через композиционное «звучание» [Киянская, 2021]. Нечто подобное происходит и в поэзии Малларме, где интонации и ассонансы важнее прямого смысла. Это именно то, что связывает Борисова-Мусатова с французскими символистами — умение передавать эмоциональную глубину за счёт тончайших пластических и ритмических структур. Мягкая округлость линий, воздушная шифрованность пейзажей и фигур создают впечатление, будто перед нами партитура, которую мы «слушаем» глазами. Подобный приём сближает живопись с музыкой, делая её привлекательной и в нечто родственное модерну, но при этом сохраняющей самобытность.

Несмотря на то что Борисов-Мусатов не всегда прямо указывал на связь с французским символизмом, исследователи его творчества отмечают местами очевидные параллели, особенно в подходе к трактовке цвета и пространства. Этот косвенный диалог с мастерской Моро, Пюви и Редона даёт основания полагать, что в нём сильно отразилась западная художественная мысль [Прохоров, 2023]. При этом если французская ветвь могла являть склонность к прохладным и ироничным оттенкам, в живописи Борисова-Мусатова всегда присутствуют тёплые мотивы, светлее по тону и мягче по настроению. Он вдумчиво подходил к задаче передачи неведомой тайны, научившись у французов как раз способности говорить на языке намёков, а не на языке прямых деклараций. Покоящиеся во сне вещи, трепетная листва, дальние очертания усадьбы — всё это становится частью лирического повествования, где внутренний мир доминирует над внешним.

Современники Борисова-Мусатова восхищались его декоративным даром и умением

оттенять важные детали, часто сравнивая его работы с тонкой поэзией. Некоторые критики утверждали, что он уводит из реальности в волшебное пространство грёз, но при этом сохраняет какую-то искреннюю теплоту. И именно эта искренность роднит его с тем, что было задумано французскими символистами, хотя формы её воплощения понятны в первую очередь российскому зрителю, воспитанному на более камерных сюжетах [Ши, 2023]. Переосмысляя каноны, автор добивался настоящего проникновения в мир снов, где время статично, а реальность подобна хрупкой ткани, готовой раствориться в пространстве. И это свойство эфемерности, то есть готовности рассеяться, прекрасно передаёт суть символизма — прежде всего стремление открывать иносказательную природу явлений.

Заметную роль в восприятии его наследия играл контекст предреволюционных лет. Мысли о грядущем конце старого порядка, нарастающий разрыв времён воплощались в том, что художники искали утешение в иной реальности — в снах, идеалах, символах. Французские символисты обратились к древним мифам, к ароматам легенд, в то время как русский мастер заглянул в прошлое своей родной усадебной культуры [Бычков, 2020]. Он соединил её мотивы с музыкальностью палитры, придав им отголоски западных веяний, и тем самым поставил вопрос о судьбе прекрасного в наступающую эпоху перемен. Благодаря такому обращению к ускользающему, невидимому, но глубоко ждущему своего выражения, его живопись зазвучала сдержанно, но крайне трогательно.

Таким образом, французский символизм предоставил Борисову-Мусатову богатую палитру идей: стремление к синтезу искусств, к музыкальной выразительности, к аллегориям и тихой провиденческой задумчивости [Купченко, 2022]. Все эти принципы стали по-своему фундаментальными в формировании особого типа русского символизма в живописи. И хотя его произведения пронизаны ностальгией по бесследно ускользающему моменту, они в то же время несут в себе удивительную ясность и чистоту. Этот парадокс был знаком и французским мастерам, которые пытались передать таинственный свет первого пробуждения или последнего заката. Трактовка цвета, линия, комбинаторика форм, плавность переходов — всё это создаёт то особое впечатление поэтического покоя.

Художник, проявляя мастерство избирательности, не брал из французского символизма мрачные или слишком загадочные мотивы. Он предпочитал вплетать образы светлого признания в красоте окружающего мира. Даже когда напоминает о человеческой печали, в его полотнах нет резких контрастов, а трагедийное звучание смягчено, словно растворено. Живопись, в этом понимании, выступает эстетическим спасением, утверждая в зрителе жажду тихой и созидательной медитации [Васильев, 2023]. Подобная позиция роднит его не столько с крайним декадансом, сколько с умеренным романтическим видением, оживлённым символистской манерой выражения. Сочетание искреннего чувства, лирической мечтательности и внешней декоративной стройности делает его вариант символизма оригинальным.

Интересно отметить, что, вопреки академическим стандартам, Борисов-Мусатов не стремился к исторически достоверному изображению костюмов и сред. Детали дворянских усадеб у него предстают скорее как часть условного мира, где прошлое и настоящее сливаются в единую поэтическую субстанцию [Комарницкая, Дуарте, 2023]. Эти мотивы, при всей своей конкретике, обретают символическую функцию, становясь знаком мечты об исчезающем. Так возникает метафора уходящей эпохи, показанной не через драму, а через изысканную грусть, что очень сходно с лёгкой печалью, свойственной французским символистам. Краски кажутся

разбелёнными, приглушёнными, что сказывается на гармоничном звучании произведений. Кажется, что всё в этих пространствах наполнено успокаивающим шёпотом истории.

Французский символизм, претворённый в живописи Борисова-Мусатова, позволил ему создать свою мифопоэтику среды. Вместо героических картин из национального эпоса или исторических баталлий он выбирал тихие уголки, где природа и культура сплелись в единый ансамбль. Каждый мотив — будь то скамья в парке, задумчивая беседка или шуршащие деревья — несёт не внешнюю повествовательность, а внутренний аромат. Здесь важно не само действие, а настроение, которое оно вызывает. И именно такой приём был характерен для символизма: уход от нарративной пояснительности к суггестивному воздействию [Купровская-Брюжман, 2022]. Миг застыл, обретая новое измерение и новые смыслы. Художник словно убеждён, что действительность, несущая в себе поэзию, уже есть символ вечных ценностей, нужно только увидеть её сердцем.

Немалое значение во французском символизме имеет и духовное содержание, порой принимающее форму неочевидных религиозных аллегорий. У Борисова-Мусатова религиозный аспект представлен тоже скорее интуитивно, чем декларативно. Он сводится к возделыванию внутреннего сада, где человеческая душа ближе к природе и одновременно преодолевает телесные оковы, погружаясь в мечтательную Расет [Белавина, 2021]. Художник говорил на этом особом языке полутонов, немного меланхоличном, но исполненном света, что позволяет говорить о его работах как о своеобразных иконописях символизма, если можно так переформулировать. Они несут оттенок той мягкой тишины, что преобладает в старинных стенах французских соборов, когда лучи солнца играют на витражах, создавая мистическую игру красок.

Борисов-Мусатов создал собственную версию этого витражного сияния, только вместо стекла использовал тончайшие живописные слои, перетекающие один в другой. Силуэты его женских фигур напоминают появляющиеся из явно не нашей действительности видения, призванные остановить время. Такой подход согласуется с идеей символизма о том, что истина скрывается за покровами привычного мира, но её можно уловить, если вы тонко настроены [Жилюк, 2022]. В момент созерцания таких полотен зритель оказывается участником таинства, где каждая деталь как бы прозрачно намекает на иное измерение. Тишина этой картины способна звучать громче любых слов. Вопрос о сущности бытия, который постоянно поднимали французские поэты и художники, проявляется и здесь: в загадочном сочетании реализма и фантазии, в полусонном взгляде персонажей, обделённых повседневной суетой.

Для Борисова-Мусатова символизм стал не просто художественным методом, но и способом думать об окружающем мире, его фрагментарности и ускользающей красоте. Именно поэтому его полотна проникнуты ностальгией и романтическим видением. Французские символисты дали мастерские примеры того, как живопись может быть тонко поэтической и метафизически сосредоточенной [Ши, 2023]. Он перенял эти уроки, реализовав их применительно к своему времени и месту, а результаты прочно вошли в историю русского искусства. Многие искусствоведы считают, что без пользы от французского направления его стиль не обрёл бы столь законченного звучания. Но в равной степени важно, что художник не превратился в «русскую копию» парижских мэтров, а нашёл уникальную нишу, объединив поэзию русской усадьбы и декорации символизма в глубоко личной манере.

Кроме этого, стоит вспомнить, что французский символизм не только визуальный, но и пластический, часто включая использование гладких поверхностей, особых фактур, намеренно

уходящих от реализма [Прохоров, 2023]. Борисов-Мусатов, не копируя буквально эти приёмы, всё же подчеркнул в своих картинах сглаженную фактуру, избегая резких контрастов и чётких форм. Это придаёт его полотнам обобщённость, сближает фигуры и фон, словно стирая границы между человеком и пейзажем. Границы растворяются, возникает единая субстанция снов. В чертах припылённых деревьев, мягко прописанных лиственных аллей или туманных очертаний зданий заложен символ того, что реальность способна переисполняться поэзией, стоит лишь перейти острой гранью художественного восприятия.

Его работы словно указывают, что даже в современном ему меняющемся мире существует уголок вечной красоты, не поддающийся разрушительным тенденциям индустриализации. Таким образом, символизм для него становился своеобразным убежищем: когда повседневность слишком вторгалась в искусство, он укрывался в этот мир мягких красок, где каждая деталь имеет тайный смысл. Его синтез собственного поэтического взгляда и французских идей — это неповторимый мост между двумя культурами, на котором встречаются черты русского пейзажа, фольклорные воспоминания и символическая пластика [Посохина, 2023]. Мост показывает высокий потенциал взаимодействия разных школ, служит примером того, как художник может освоить и переосмыслить концепции из иного культурного поля, прибавив к ним собственный колорит. Именно поэтому его полотна очаровывают зрителя и сегодня, раскрывая их как тексты, вчитываясь в полупрозрачные намёки и тихие эманации.

Рассматривая влияние французского символизма на Борисова-Мусатова в целом, мы видим, что речь идёт не о простой сюжетной заимственности, а о восприятии глубинной сущности течения. Художник адаптировал основной принцип символизма — раскрывать внутреннюю реальность через внешнюю форму так, чтобы она звучала тихой поэзией и музыкальностью линий [Волошко, 2023]. Он принял идею, что живопись может быть сродни поэзии, в которой слова важны не меньше, чем паузы между ними. Краски и формы в таком случае превращаются то ли в стихи, то ли в ноты, а зритель становится слушателем в уникальном концерте. Всё это создано для передачи не конкретного рассказа, а навеянного чувства, которому каждый находит своё собственное толкование. Это важно, так как и французские символисты считали, что искусство не должно навязывать однозначных смыслов, а призвано будить в душе зрителя скрытые потенциалы воображения.

В результате Борисов-Мусатов сформировал живописный мир, где царит поэтическая тишина и ясная грусть, уводящая сознание в мир далеких воспоминаний и грёз [Бычков, 2020]. Пространство его полотен светло и застыло во времени; фигуры замирают подобно актёрам на сцене, в ожидании невысказанного слова. Именно это молчание объединяет художника с французским символизмом. Его картины можно назвать камерной медитацией, где каждая деталь выражена через тончайшую нюансировку. Так рождается гармония, которую не встречаешь в иных течениях. Отсюда и глубина его влияния на других отечественных живописцев, которые, восхищаясь французским искусством, понимали, что Борисов-Мусатов нашёл путь, созвучный русской душе, но порождённый во многом диалогом с французскими символистами.

Таким образом, символизм стал для него не только школой художественного видения, но, можно сказать, и религией души, которая стремилась к идеальному миру форм и красок [Белавина, 2021]. Его палитра, порядком отличная от мрачноватых оттенков некоторых западных коллег, наполнялась искорками нежности. Лицо русской природы, имя которой — безмолвие, нашло в его интерпретации особый оттенок трепетной тайны. Наполняя его

произведения бессловесной поэзией, он соединяет европейскую традицию со славянским мироощущением. И в итоге то, что мы называем «творческой манерой Борисова-Мусатова», оказывается живым мостом, перекидным между двумя культурами, между прошлым и будущим, между реализмом и миром воображения. Это и есть главное наследие, к которому привёл художника французский символизм.

Разумеется, у нас нет цели сводить заслуги Борисова-Мусатова исключительно к французскому влиянию, поскольку его талант был многогранен и исходил из личной одарённости. Но несомненно, что знакомство с идеями и практикой французских символистов позволило ему обогатить свои собственные поиски, найти особую выразительность, отличную от тенденций академического искусства. Он научился передавать в своих картинах не только красивую форму, но и ту глубину чувств, которая звучит в линиях и цветовых сочетаниях [Буханова, 2024]. И хотя многие критики обвиняли символистов в излишней субъективности, именно эта субъективность сделала живопись Борисова-Мусатова неповторимо личной, искренней, насыщенной философской интонацией. Вот почему можно говорить о специфической синтезе: его индивидуальный почерк обогащался рецептами французского символизма, а в результате родилась манера, ставшая классикой русского живописного серебряного века.

Если говорить о том, как это повлияло на более широкие процессы в русском искусстве, можно отметить, что Борисов-Мусатов стал тем катализатором, который показал деятелям культуры ценность пластической трактовки символизма [Комарницкая, Дуарте, 2023]. До него многие художники, близкие к символизму, больше тяготели к литературной, иллюстративной манере, но он сумел передать этот философский настрой именно средствами изобразительного языка. Его, пусть и недолгая, но яркая творческая биография позволила показать, что символический подход может обладать своеобразной мягкой силой, пронизывая произведения едва уловимыми намёками. В конечном счёте, все эти элементы, сначала показавшиеся новым веянием, вошли в соцветие направлений русского модернизма, оказав влияние и на эстетику «Мира искусства», и на дальнейшие течения.

Следует подчеркнуть, что у Борисова-Мусатова символизм не был самоцелью. Он скорее использовал его, как бы держа в руках палитру символистских идей, и смешивал их с другими компонентами. Само стремление к гармонии и красоте, однако, связывало его с ведущими французскими мастерами, которые тоже грезил о возвышенных состояниях. В этом плане он весьма проникновенно говорил на общем языке эпохи, когда многие творцы были едины в поиске «мировой гармонии» [Васильев, 2023]. Разница лишь в том, что русское сердце и русские просторы придавали этой утопии особую лирическую печать. И так сочетание двух разных по темпераменту культур дало богатые результаты, которые теперь являются предметом для научных исследований и художественных открытий.

Заключение

С точки зрения анализа художественных методик, Борисов-Мусатов адаптировал и некоторые технические решения символистов. Он придавал большое значение подготовительным эскизам, часто оттачивая образы, добиваясь нужного эмоционального эффекта. Нередко, как и многие символисты, он работал «по воображению», транслируя увиденные мотивы парка или усадьбы в одушевлённую полусказку. Схожее проявлялось и во

французских мастерских, где образы рождались не только в диалоге с натурой, но и в диалоге с мыслями, снами. Так что многие приёмы, вроде наслоения красок, размытой мягкой акварельности и призрачных очертаний, проникли к Борисову-Мусатову именно как опыт французского символизма [Ши, 2023]. Для него это стало новой грамматикой, позволяющей высказывать те чувства, которые обычными академическими приёмами остались бы без голоса.

Наконец, если мы подытожим все сказанное о влиянии французского символизма, то заметим, что оно послужило Борисову-Мусатову духовной опорой в создании неповторимого мистико-лирического пространства его полотен [Кудрицкая, 2024]. Мы видим, как мотивы запутавшихся в пространстве фигур, затуманенные парковые пейзажи, сфумато линий, общее поэтическое настроение — всё это находит аналогии в творчестве Редона, Моро, Пюви де Шаванна. Но в то же время оно приобретает исконно русский настрой, наполненный тихой, грустной радостью о красоте, уточняющей смысл нашего существования. Его влияние на последующее искусство оказалось значительным, что позволяет рассматривать его работы как пример плодотворного международного обмена художественными идеями. И глядя на это, мы понимаем, что там, где разные культуры пересекаются, нередко рождается то, что впоследствии называют классикой. В случае с Борисовым-Мусатовым и французским символизмом именно так всё и произошло, дав миру один из самых прекрасных образцов живописной поэзии начала XX века.

Библиография

1. Ши К. Мусатовский синий – легендарный цвет мастера русского символизма // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 2-2 (77). С. 279–282.
2. Белавина Е. М. Трансформации мотивов лирики М. Деборд-Вальмор в творчестве Марины Цветаевой // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Т. 7. № 1 (25). С. 128–143.
3. Киянская О. И. Российская Белиза: к истории жизни Анны Муравьевой-Апостол // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2021. Т. 12. № 6 (104).
4. Ши К. Своеобразие живописного метода В. Э. Борисова-Мусатова // Научный аспект. 2023. Т. 5. № 2. С. 558–566.
5. Васильев С. А. Шолохов и Бодлер: типологические схождения, творческий мимесис // Вёшенский вестник. 2023. № 23. С. 49–65.
6. Бычков В. В. Некоторые эстетические аспекты искусства символистов // Философия и культура. 2020. № 2. С. 50–65.
7. Волошко А. В. "Жанрист моря". Живопись А. П. Боголюбова двух французских периодов из собрания Государственного Русского музея // Academia. 2023. № 4. С. 554–567.
8. Буханова Е. Д. Повесть А. Г. Битова "Человек в пейзаже" (1983): сюжет ментальных блужданий в поисках сущности искусства и смысла бытия // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 164–176.
9. Прохоров Г. С. Древнерусские жанры в литературном наследии архиепископа Моисея (Богданова-Платонова) // Труды Коломенской духовной семинарии. 2023. № 1 (20). С. 74–81.
10. Купровская-Брюжман Е. О. К вопросу об истории русско-французских культурных связей: французский след в жизни и творчестве композитора Эдисона Денисова // Koionon. 2022. Т. 3. № 1. С. 134–160.
11. Посохина М. В. А. П. Боголюбов и И. К. Айвазовский: проблема творческих и личных взаимоотношений // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2023. № 2. С. 127–140.
12. Комарницкая О. В., Дуарте Д. К. Эпюды-картины ор. 33 С. В. Рахманинова: композиция, содержательно-смысловой аспект, исполнительская интерпретация // Искусствоведение. 2023. № 2. С. 56–72.
13. Жилюк С. А. "... Не в ладах и с адом, и с раем, и с богами, и с людьми". Воланд и граф Монте-Кристо // Вопросы литературы. 2022. № 5. С. 176–192.
14. Купченко Т. А. В. Маяковский и С. Прокофьев: к истории отношений поэта и композитора (на материале экспромтов В. Маяковского и дневника С. Прокофьева) // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2022. № 3. С. 38–46.
15. Кудрицкая С. В. Античные мотивы в творчестве А. Мирэ (А. М. Моисеева, 1874–1913) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2024. Т. 28. № 1. С. 114–122.

Influence of French Symbolism on the Creative Style of V.E. Borisov-Musatov

Shi Kefu

Postgraduate Student,
Saint Petersburg State University,
199034, 7-9, Universitetskaya Embankment,
Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: st113010@student.spbu.ru

Abstract

The article is devoted to exploring the influence of French symbolism on the formation of the creative style of the Russian artist V.E. Borisov-Musatov. The aim of the work is to identify the specifics of adapting the ideas of French symbolists within the context of the Russian painting tradition, as well as to determine the role of this interaction in the development of the master's unique style. The introduction justifies the relevance of the topic, linked to the insufficient study of the synthesis of Western European and national elements in his work. The author emphasizes that Borisov-Musatov was one of the first in Russia to integrate the principles of symbolism, transforming them through the prism of a lyrical perception of Russian nature and country estate culture. The "Materials and Methods" section describes the approaches to analyzing Borisov-Musatov's artistic techniques: the study of composition, color palette, line plasticity, as well as a comparative analysis with the works of French masters (P. Puvis de Chavannes, G. Moreau, O. Redon). Special attention is given to the connection between painting and poetry (P. Verlaine, S. Mallarmé) and the musicality of visual images. The research results demonstrate that Borisov-Musatov creatively reinterpreted French symbolism by combining it with the Russian romantic tradition. His works are characterized by soft tonal transitions, the synthesis of figures and landscapes, an emphasis on contemplation, and a "quiet melancholy." Unlike his French colleagues, by avoiding the gloomy aesthetics of decadence, the artist developed a "decorative symbolism" dominated by pastel shades, intimacy, and harmony of forms. The depictions of women in his paintings are devoid of fatal mystery and are filled with a light melancholy that reflects the national perception of beauty. The discussion emphasizes that the synthesis of French ideas with Russian cultural influences allowed Borisov-Musatov to create a unique artistic language that impacted the development of the "World of Art" and domestic modernism. His works are interpreted as a bridge between European symbolism and the Russian spiritual tradition, where the ephemeral quality of images is combined with philosophical depth.

For citation

Shi Kefu (2025) Vliyanie frantsuzskogo simbolizma na tvorcheskuyu maneru V.E. Borisova-Musatova [The Influence of French Symbolism on the Artistic Manner of V.E. Borisov-Musatov]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (3A), pp. 318-331.

Keywords

French symbolism, V.E. Borisov-Musatov, artistic synthesis, Russian painting, decorative symbolism.

References

1. Shi K. Musatov blue is the legendary color of the master of Russian symbolism // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2023. № 2-2 (77). pp. 279-282.
2. Belavina E. M. Transformations of the motifs of M. Debord-Valmor's lyrics in the works of Marina Tsvetaeva // *Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian studies. Humanitates*. 2021. Vol. 7. No. 1 (25). pp. 128-143.
3. Kiyanskaya O. I. Russian Belize: towards the life story of Anna Muravyeva-Apostol // *Electronic scientific and educational journal "History"*. 2021. Vol. 12. No. 6 (104).
4. Shi K. The originality of V. E. Borisov-Musatov's pictorial method // *Scientific aspect*. 2023. Vol. 5. No. 2. pp. 558-566.
5. Vasiliev S. A. Sholokhov and Baudelaire: typological similarities, creative mimesis // *Vyoshensky Bulletin*. 2023. No. 23. pp. 49-65.
6. Bychkov V. V. Some aesthetic aspects of Symbolist art // *Philosophy and Culture*. 2020. No. 2. pp. 50-65.
7. Voloshko A. V. "The Sea genre". A. P. Bogolyubov's paintings of two French periods from the collection of the State Russian Museum // *Academia*. 2023. No. 4. pp. 554-567.
8. Bukhanova E. D. A. G. Bitov's novel "The Man in the Landscape" (1983): the plot of mental wanderings in search of the essence of art and the meaning of being // *Siberian Philological Journal*. 2024. No. 1. pp. 164-176.
9. Prokhorov G. S. Ancient Russian genres in the literary heritage of Archbishop Moses (Bogdanov-Platonov) // *Proceedings of the Kolonna Theological Seminary*. 2023. No. 1 (20). pp. 74-81.
10. Kuprovskaya-Bryuzhman E. O. On the history of Russian-French cultural ties: the French trace in the life and work of composer Edison Denisov // *Koinon*. 2022. Vol. 3. No. 1. pp. 134-160.
11. Posokhina M. V. A. P. Bogolyubov and I. K. Aivazovsky: the problem of creative and personal relationships // *Bulletin of the Russian State University of Fine Arts. Series: Philosophy. Sociology. Art history*. 2023. No. 2. pp. 127-140.
12. Komarnitskaya O. V., Duarte D. K. Etudes-paintings Op. 33 by S. V. Rachmaninov: composition, meaningful and semantic aspect, performing interpretation // *Art Criticism*. 2023. No. 2. pp. 56-72.
13. Zhilyuk S. A. "... At odds with hell, and with heaven, and with gods, and with people." Woland and the Count of Monte Cristo // *Questions of Literature*. 2022. No. 5. pp. 176-192.
14. Kupchenko T. A. V. Mayakovsky and S. Prokofiev: towards the history of the poet and composer's relationship (based on the material of V. Mayakovsky's impromptu performances and S. Prokofiev's diary) // *Bulletin of the Moscow Information Technology University - Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering*. 2022. No. 3. pp. 38-46.
15. Kudritskaya S. V. Antique motifs in the works of A. Mire (A. M. Moiseev, 1874-1913) // *Proceedings of the Southern Federal University. Philological sciences*. 2024. Vol. 28. No. 1. pp. 114-122.